

Для чего же мы живем, если не для того, чтобы
облегчать друг другу жизнь?¹

Джордж Эллиот. Миддлмарч

---

¹ Пер. И. Гурова, Е. Короткова.

11:42

Перед тем как подавать обед, Вероника делает небольшой перерыв в углу рядом с кухней. В такие моменты она всегда мечтает о сигарете. Такое желание кажется ей странным, ведь она бросила курить четыре года назад и не скучает по дыму, наполняющему легкие; но всякий раз, когда девушка прислоняет бедра к холодной металлической стойке и смотрит в крошечный иллюминатор, ей до смерти хочется затянуться сигаретой.

Интересно, как долго она пробудет в Лос-Анджелесе — два дня, три? Вероника провела в воздухе четыре дня, и, несмотря на то что бортпроводникам еще не выдали расписание, она догадывается, что ей назначат несколько выходных. Ей хочется надеть новое бикини и лечь у бассейна. Или сесть за руль кабриолета брата и наслаждаться ветром, развевающим волосы.

Больше всего в небе ей не хватает именно его, ветра. Воздух в самолете не так плох, как говорят пассажиры; и ей не нравится, когда люди высказывают свое мнение, не потрудившись сначала проверить факты. Кондиционеры вытягивают воздух из салона и смешивают его со свежим. Затем воздух проходит через фильтры для стерилизации и только потом подается пассажирам. И он кристально чист, хоть Вероника и чувствует в нем какую-то неприятную примесь.

Она ценит, что за пределами самолета каждый вдох непредсказуем. Можно ощутить мягкий порыв ветра, или запах попкорна, или тяжесть, предшествующую ливню. Она замечает нюансы, к которым невосприимчивы остальные, за исключением разве что подводников и астронавтов — людей, которым одной Земли недостаточно и которые обретают свободу вне ее. Вероника наслаждается необузданной природой земного мира, но ее дом совсем не здесь. С собой она становится лишь в небе.

Она выпрямляется, проводит руками по бедрам. С тех пор как она рассталась с Лионелом, собственные руки — единственное, что ее касается. Секса не было уже месяц, это ее личный рекорд. Обычно Вероника коротает время с горячим торчком, живущим на первом этаже дома, или с бывшим, с которым встречались в колледже, но в последнее время она была не то слишком занята, не то слишком отвлечена. Однако она понимает, что ей становится одиноко, и немного спускает пар, задев симпатичного пассажира. Даже смазливый финансист из первого класса, на которого она ни за что не взглянула бы раньше, теперь вызывает у нее интерес. Она кивает и выдвигает массивный ящик, заставленный подносами с обедом. Вероника медленно идет по проходу, виляя бедрами: она ловит каждый взгляд и прячет его в душе, как брошенную в шляпку монету.

Рядом с Брюсом появляется стюардесса эконом-класса.

— Сначала мы подаем спецпитание.

— Спецпитание? — Брюс непонимающе моргает.

— Это для меня. — Джордан берет поднос и ставит его на колени.

— Почему ты заказал спецпитание? — интересуется Эдди.

— Это веганский обед, — поясняет Джордан. — Когда мама заказывала билеты, я попросил ее указать мои предпочтения в еде.

На подносе, протянутом стюардессой, красуются банка яблочного пюре, бутерброд с хумусом и куча нарезанной моркови.

— Ты теперь веган? — спрашивает Брюс.

— Уже несколько недель. Ты просто не заметил, что я не ем блюда, содержащие молочные продукты. — Джордан стягивает с сэндвича прозрачную обертку.

Это такой сложный период, убеждает себя Брюс. Он просто самовыражается. Так делают все подростки. Нужно сохранять спокойствие.

В их семье всегда готовил Брюс. Когда Джордан еще не ходил в школу, мальчик часто появлялся на кухне и вызывался помочь приготовить ужин. С тех пор они работали на кухне сообща. Джордан раскладывал еду по тарелкам. Пробовал пасту на готовность и соусы, проверяя на соль. К десяти годам он помогал Брюсу выбирать рецепты. Он получил собственную подписку на журнал *Von Appétit* в качестве подарка к Хануке и внимательно изучал каждый выпуск, подгибая страницы, на которых находил интересные варианты. Эдди стал их дегустатором: он приходил на кухню, когда отвлекался от пианино или книги, чтобы одобрить блюдо. Если Брюс думал о счастье, то оно таилось на кухне рядом с Джорданом. Он слушал, как в соседней комнате Эдди играет на пианино, и сердце его трепетало от радости. *Я не буду принимать это как должное, раз за разом напоминал себе Брюс.*

Год назад Джордан объявил, что становится вегетарианцем из этических соображений. Он отказался от грудинки, воскресных гамбургеров, пасты болоньезе, мидий на пару. Брюс ненавидел мысль о том, что отныне ему придется готовить для Джордана отдельно, и поэтому он подписался на *Vegetarian Times* и каждый вечер подавал еду без мяса. Иногда он готовил гамбургеры для себя, Джейн и Эдди и вегетарианский бургер для Джордана, а иногда включал в гарнир чоризо и панчетту, когда-то горячо любимые Джорданом. Теперь старший сын их избегал. Брюсу было сложно, он не одобрял выбор сына, но в конце концов смирился с ним.

Веганство, однако, было чем-то совершенно иным.

— Теперь ты не ешь яйца? Молочные продукты? Сыр? — спрашивает он.

— Мне следовало сразу же стать веганом, — говорит Джордан. — Я проявил слабость. Коровы на молочных фермах подвергаются ужасному насилию. Их оплодотворяют искусственным путем, а телят при рождении отлучают от матерей. ДНК этих коров корректируют, чтобы те давали в десять раз больше молока, и поэтому они всю жизнь мучаются и страдают от вздутия живота. Они умирают раньше срока. Это ужасно.

— Фу, — говорит Эдди.

— Лучше тебе не знать, что делают с цыплятами.

— Это точно. Нам знать незачем, — говорит Брюс.

Джордан прищуривается, словно оценивая мужчину, сидящего рядом.

— Ты бы назвал себя трусом?

Брюс колеблется, застигнутый врасплох. Он буквально слышит над ухом шепот жены: это твоих рук

дело. Ты сам хотел, чтобы мальчики научились мыслить критически.

Эдди задевает брата плечом.

— Не обижай папу.

— Я не обижаю его.

— Джордан прав, — говорит Брюс. — Факты на его стороне. Как общество мы относимся к животным ужасно.

— И, — продолжает Джордан, — заметьте, люди — единственный биологический вид, пьющий грудное молоко другого млекопитающего. Вы когда-нибудь видели котенка, пьющего козье молоко? Если подумать, тот факт, что мы пьем грудное молоко коров, отвратителен.

Брюс трет глаза руками. *Что я буду готовить?* Почти все его вегетарианские рецепты основаны на сыре или сливках. Он чувствует, как в груди тяжелеет: на фотографиях их калифорнийского дома изображена огромная новенькая кухня, вдвое больше нью-йоркской, сверкающая нержавеющей сталью. Он уже предвкушал, как будет там готовить. Думал, что неделя их любимых рецептов, наполняющих новое жилище знакомыми запахами, поможет им почувствовать себя как дома.

— Я не говорю, что ты должен быть веганом, — говорит Джордан, возможно чувствуя меланхолию отца. — Если ты хочешь и дальше заставлять животных страдать без нужды, пожалуйста, я не препятствую.

— Спасибо, — отвечает Брюс. — Большое спасибо.

Линда сожалеет, что заказала поднос с обедом, когда он опускается перед ней. Сэндвич воняет курицей, приходится затыкать нос. Морковные палочки выглядят

удручающе оранжевыми, будто бы пластмассовыми. Единственное, что ее радует, — это холодная банка колы.

Флорида ест сэндвич, который достала из своей вместительной сумки. Ее еда пахнет очень вкусно. Она напевает, ест и листает модный журнал.

— Милая, — говорит Флорида, — ты похожа на машину, у которой лопнуло колесо. Успокойся. Ты можешь что-нибудь съесть?

— Нет, — отвечает Линда. — Я не могу.

— В такой ситуации это только начало. — Флорида указывает на ее живот. — Всякое случается, и я бы пока не беспокоилась о том, как оплачивать ребенку колледж.

Грудь Линды сжимается. Она собиралась искать работу в Калифорнии, но разве это возможно в ее положении? Внезапно она вспоминает кое-что еще.

— Я не должна находиться рядом с таким количеством радиации.

— О чем ты?

— Я специалист по рентгену.

Лицо Флориды меняется, и она похлопывает девушку по руке.

— А-а-а, — протягивает она. — Мария была моей близкой подругой. Та еще бунтарка! Я жила через два дома от нее.

Линда моргает:

— Мария?

— Кюри. Это ведь они с мужем открыли радиацию? Конечно, ты слышала о ней.

— Боже, — говорит Линда. Она пробует рассмеяться, но вспышка веселья поглощает тревога. Она бедная

и безработная, она поклялась не брать денег у отца, и за время работы радиация проникла в каждую клеточку ее организма. Ее ребенок, вероятно, родится светящимся, как фонарик.

— Конечно, Мария умерла от этой дряни. Но она носила ее с собой в карманах и держала на прикроватном столике. Не очень хорошая идея, как оказалось.

За окном идет дождь. Линде хотелось бы оказаться на улице, посреди бушующей стихии, подальше от этой женщины с ее витиеватыми личными историями. Ей хотелось умчаться прочь, в сырость и влагу, под которыми она может смыть радиацию последних пяти лет жизни.

Бенджамин стоит в очереди в уборную. Он надеялся избежать этого, пил как можно меньше и планировал дотерпеть до Калифорнии. Хотя, признаться, после операции он делал так каждый день, постоянно находясь на грани обезвоживания. Он ненавидит состояние, в котором оказался. Ненавидит калоприемник, прикрепленный к боку. Ненавидит отвинчивать крышку этого мешочка, чтобы вылить его содержимое в унитаз. Раньше он был самым сильным человеком, а теперь носит снаружи то, что должно быть внутри, а его оболочка из кожи больше не в состоянии удерживать в себе органы. Все вываливается наружу.

Бенджамин чувствует, как кто-то встает в очередь позади него.

— Привет, — произносит мужской голос.

Бенджамин оглядывается через плечо и видит богатого белого парня в рубашке.

— Привет, — говорит он тоном, не позволяющим продолжать разговор.

Но парень, очевидно, не хочет понимать намеки: он разминает шею и закатывает глаза.

— Ненавижу сидеть без дела.

— Понимаю.

— Я мог бы сходить в туалет первого класса, но мне захотелось прогуляться.

Бенджамин не отвечает незнакомцу, но ему интересно, в курсе ли тот, что говорит как придурок.

— Прошу прощения, джентльмены, — говорит Вероника и поворачивается боком, чтобы пройти мимо них. Она останавливается на полушаге; ее левое бедро взведено, как курок. — Если вам понадобится моя помощь, просто дайте знать, — обращается она к Бенджамину.

— Я в порядке, — заверяет ее он.

Она кивает и идет дальше по проходу.

— Ты ее знаешь? — говорит белый парень, и его голос обрывается на полуслове. Когда тот смотрит вслед стюардессе, выражение его лица напоминает Бенджамину волка из воскресных утренних мультфильмов, которые он смотрел в детстве. Его глаза вылезают из орбит, и он смотрит на нее взглядом голодающего, который увидел ветчину.

Черт возьми, думает Бенджамин, *как бы я хотел хотеть ее*. И он знает, что в этот момент, когда самолет мягко качается под ним и дождь льется в окна, если бы ему пришлось выбирать между стюардессой и этим парнем рядом с ним, он выбрал бы парня. Он говорит себе, что дело только в Гэвине — он отклонение от нормы или, возможно, психическое расстройство, — но истина минует Гэвина, отсылая его к военной школе-интернату, где он радовался тому, что ему не приходится

иметь дело с девочками. Сколько Бенджамин помнил себя, девушки всегда вызывали в нем смутную грусть, а эта стюардесса с ее упругой задницей особенно.

— Нет, — говорит он. — Я ее не знаю.

— Твоя очередь, — говорит парень и указывает на зеленую табличку.

— Можешь идти первым.

— Уверен? Мне дважды говорить не нужно.

Теперь он поворачивается боком, чтобы пройти мимо Бенджамина. Их плечи на мгновение соприкасаются, и тело Бенджамина моментально реагирует, он чувствует изнутри толчок. К черту все это, думает он после, и это все включает в себя и парня с Уолл-стрит, и Гэвина, и прикрепленный к боку мешочек, и предстоящую операцию, и идею о том, что ему нужно грустить и следовать тем же правилам, которым он следовал с тех пор, как Лолли оставила его в военной школе. К черту все это, думает он, ощущая новый толчок, идущий из глубины души.

Флорида прожевывает последний кусок сэндвича и скатывает полиэтиленовую пленку в крошечный шарик.

— Фокус в том, чтобы добавить в мясо немного куркумы, — говорит она, заметив, что Линда смотрит на нее.

— Что это, специя?

Полиэтиленовую пленку, как и индейку с томатами, она взяла со своей кухни в Вермонте. Флорида стояла перед кухонной раковиной, любимым местом в доме, где свет струился в окно и можно было видеть горы, и нарезала помидор. Бобби дважды проходил через комнату, пока она делала сэндвич. Он знал,

что жена уезжает, но не знал, надолго ли. Она сказала ему, что собирается на свадебную вечеринку к подружке в Ист-Виллидж. Вечеринка не была вымышленной, и Флориду действительно туда пригласили. Но в ее походных ботинках лежал припрятанный билет на самолет до Лос-Анджелеса.

— Да, пряность. — Флорида кладет маленький шарик в сумочку. — Я еду в Калифорнию за солнцем, — говорит она, махнув рукой в сторону окна. — Мне нравится думать, что этот дождь расчищает путь для голубого неба.

— Зачем вы туда едете? В отпуск?

Флорида пожимает плечами.

— Вы там кого-нибудь знаете?

— У меня есть пара старых друзей, которых я могу найти. Я никогда не была в Калифорнии, это правда. В мире не так много мест, которые я пока не посетила. Мне хочется кататься на роликовых коньках по извилистому тротуару, идущему вдоль пляжа, знаешь, тому самому, который всегда показывают в кино?

Линда кивает.

— Для этого я и еду в Лос-Анджелес.

— Но вы ведь замужем?

Линда смотрит на руку Флориды, на безымянном пальце которой виднеется простое серебряное кольцо. Филиппинка подумывала над тем, чтобы снять его, но кольцо ей нравится, да и к тому же она сомневается, что сможет стащить его с пальца. Когда они с Бобби только поженились, она была худее.

— Я ушла, — говорит она. — До того, как все стало еще хуже. Я прожила достаточно жизнью, чтобы довериться интуиции. И поэтому сбежала, когда он все еще

чувствовал привязанность ко мне. Просто у нас разные пути.

Флорида на мгновение замолкает.

— То есть он не хотел кататься на роликах по изви-
листоу тротуару, идущему вдоль пляжа?

Флорида удивляется смеху, вырвавшемуся изо рта. Люди, сидящие вокруг них, вероятно, тоже пораже-
ны — сдерживать веселье ей никогда не удавалось. Не-
сколько голов впереди и через проход поворачиваются
в их сторону. Каким-то образом женщина рядом с Лин-
дой продолжает спать. Флорида теперь гогочет, согнув-
шись в кресле. Она представляет себе Бобби, кото-
рый сосредоточился перед разложенными чертежами.
На каждом из них изображен план выживания в случае
катастроф: краха доллара, недостатка питьевой воды
из-за последствий глобального потепления, климати-
ческого коллапса, популистского восстания, которое
свергнет правительство, и даже режима фашистского
полицейского государства. Муж продумал тринадцать
детальных планов, отмеченных сложными сценария-
ми по схеме «если... то».

— Ты права, — хрипло произносит Флорида. — Он
не хочет кататься на роликах, а я хочу.

И этот аргумент кажется таким же правдивым,
как и любая другая причина, по которой она ушла. Фло-
рида с уважением смотрит на Линду. Возможно, в этой
девушке все-таки есть какая-то мудрость.

Другая истина заключается в том, что эти черте-
жи изменились за время брака. Поначалу планы строи-
лись так, чтобы спасти всех или, по крайней мере,
друзей и единомышленников, но время шло, и чер-
тежи менялись, обособливались: сначала немного,

потом — кардинально, а затем все свелось к тому, чтобы спасти только их двоих. Или, как подозревала Флорида, только себя.

— Мне жаль, что все так вышло, — говорит Линда. Флорида улыбается девушке.

— Все когда-нибудь заканчивается, — отвечает она. — В этом нет ничего печального. Важно то, что начинается после.

— После?

— Именно так.

Выйдя из туалета, Марк несколько раз прогуливается по проходу. Его соседка, которая, сморщив лоб, что-то медленно печатает на ноутбуке, заставляет его нервничать. Когда он сталкивается с солдатом, то парню хочется ткнуть того кулаком в плечо, но он боится, что жест может показаться расистским. Вместо этого он просто кивает ему. Не думает ли этот солдат, что Марк смотрит на него свысока? Ведь он военный и, наверное, менее образован. Впрочем, парень, судя по всему, умеет вести себя как профессионал, и Марк следует его примеру. Черт возьми, да Криспин Кокс тоже был профессионалом в расцвете сил! Эти люди — его братья. Раса и статус тут ни при чем. Вы знаете свои слабые стороны? Вы компетентны? Умеете надирать задницы? Тогда вперед, со мной, братья!

Он возвращается в первый класс и уже почти садится, но решает сделать еще один круг. Эта дама с детьми и седым мужем не умеет надирать задницы. Она предпочитает беспокоиться, а не биться насмерть. Она мать, и это утомляет его. Марк останавливается на середине прохода и закрывает глаза, пытаясь определить местонахождение Вероники.